

ЛЮК БОЛТАНСКИ, ЭВ КЬЯПЕЛЛО

Новый дух капитализма¹

Контраст между Францией 1968–1978 и Францией 1985–1995 годов не может не привлекать внимания. Первые десять лет были ознаменованы агрессивными социальными движениями (не все они были движениями рабочего класса); чрезвычайно активным профсоюзным движением; изменениями в распределении прибавочной стоимости в пользу наемных работников (в чьих интересах было принято социальное законодательство, повышающее их защищенность); и в то же время более низким качеством продукции и более медленным ростом производительности из-за (по крайней мере, отчасти) неспособности нанимателей и корпоративного руководства контролировать работников.

Следующее десятилетие было отмечено почти полным спадом социальных движений (их единственным реальным проявлением было оказание гуманитарной помощи); дезориентированными профсоюзами, которые стали скорее реактивными, чем проактивными; растущей прекаризацией отношений найма, увеличившимся неравенством в доходах и распределением прибавочной стоимости, снова ставшим выгодным капиталу; новым порабощением рабочего класса, значительным сокращением числа забастовок и социальных конфликтов, абсентеизмом и текучкой кадров; а также производством товаров более высокого качества.

Как за столь небольшой срок могли произойти столь значительные изменения, не натолкнувшись при этом на сколько-нибудь ощутимое противодействие? Книга «Новый дух капитализма»² пытается разрешить эту историческую загадку с помощью исследования.

В этом исследовании мы опираемся на понятие духа капитализма и описываем, как этот дух изменился за последние 30 лет. На деле, идеологические трансформации достаточно легко отследить и зафиксировать. Это можно сделать, анализируя опубликованные работы — что много проще, чем изучать меняющиеся практики, которые могут быть

¹ Опубликовано в: *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 18. № 3/4. 2005.

² Boltanski L., Chiapello E. *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard, 1999.

несопоставимыми и рассеянными, могут иметь разный масштаб и влиять на устройство компаний всех размеров и во всех отраслях.

Тем не менее мы считаем, что историческая важность практик, предписываемых подобного рода текстами, намного больше, чем их статистическая распространенность, которую мы могли бы зафиксировать в тот же период времени³. Это образцовые практики, которые фактически можно рассматривать и как *modus operandi* влиятельного авангарда, и как практики, реализуемые самыми большими транснациональными корпорациями, чье воздействие на экономику гораздо выше, нежели можно предположить, исходя из пропорционального числа работников частного сектора (против общего числа рабочих), непосредственно ими нанимаемых.

Исследование изменений капиталистического духа обнаружило решающее преобразование господствующей системы ценностей. По нашему мнению, это очень интересно объясняет отсутствие какого-либо критического сопротивления капиталистической экспансии в 1980-е годы и, по меньшей мере, вплоть до середины 1990-х. Если мы полагаем, что критика обычно ведется во имя ценностей, которые сочтены попорванными капиталистическим процессом, то любая значительная трансформация ценностной системы, оправдывающей капиталистический мир, способна, по крайней мере на время, дезориентировать критическую активность.

В данной статье представлен беглый обзор модели, описывающей изменения капитализма (в основном рассмотренного здесь через организацию труда), духа капитализма и критики капитализма: эти изменения произошли во Франции за последние 30 лет. Конечно, мы не утверждаем, что в остальных странах происходит то же, что и во Франции, или что модели, которые мы выстроили на французском примере, обладают *per se* сколько-нибудь универсальной применимостью. Тем не менее у нас есть достаточно оснований полагать, что развитие идеологий, которые сопровождают реорганизацию капитализма в других индустриальных странах, ознаменовано в целом схожими процессами и что нашу модель стоит проверить и там, чтобы понять, может ли она пролить свет на историю других стран.

Понятие духа капитализма

Духом капитализма мы назвали идеологию, которая оправдывает приверженность людей капитализму, делая его чем-то привлекательным. Во многих отношениях капитализм является абсурдной системой⁴: рабо-

³ Например, мы выяснили, что принципы, которые превозносит новый дух капитализма, реализуют во Франции около 20% всех организаций, включая самые большие (Boltanski, Chiapello. Op. cit. P. 292–300).

⁴ Для капитализма характерны:

1) Требование неограниченного накопления мирным путем. Капитал оторван от материальных форм богатства и может приумножаться только путем продолжения реинвестиций и обращения. Это наделяет его чисто абстрактным каче-

чие теряют право собственности на плоды своего труда, так же как и надежду работать иначе, чем в чем-либо подчинении. Что касается капиталистов, то они обнаруживают себя вовлеченными в бесконечный и неустойчивый процесс. Для обеих сторон участие в капиталистическом процессе на удивление малооправданно. Капиталистическое накопление требует приверженности от огромного количества людей, хотя реальные шансы получить ощутимую прибыль имеют лишь единицы. Многих едва ли соблазняет возможность включиться в эту систему, они даже могут сознательно пестовать в себе враждебное чувство. Эта проблема особенно остро стоит в современных организациях, которые требуют высокого уровня приверженности от своих работников, в первую очередь от менеджеров. Уровень этой приверженности зависит не только от экономических стимулов, но также от возможности увеличения коллективных выигрышей, производных от капитализма.

Понятие духа капитализма позволяет нам рассматривать изменения и капитализма, и критики, с которой он столкнулся, как составляющие одного и того же процесса. Мы считаем, что критика капитализма является катализатором изменений духа капитализма. Капитализм не может хотя бы отчасти не быть направлен на достижение общего блага, поскольку именно эта направленность побуждает людей сохранять приверженность этому процессу. Однако аморальность капитализма означает, что дух капитализма не может определяться только через то, что предлагает сам капитализм, т.е. через способность к накоплению. Тем самым капитализм нуждается во врагах, людях, которые испытывают к нему сильную нелюбовь и готовы развернуть против него войну. Это те люди, что предоставляют ему моральные основания, которых ему недостает, и что дают ему возможность инкорпорировать механизмы справедливости, важность которой он в противном случае не признал бы. Капиталистическая система оказалась бесконечно более сильной, чем ее очернители, начиная с Маркса, могли бы когда-нибудь вообразить. Не в последнюю очередь потому, что она открыла путь к своему спасению в направленной на нее критике. Разве новый капиталистический порядок, возникший из пепла Второй мировой войны, не отводил — наряду с фашизмом и коммунизмом — важную роль государству, допуская некоторое государственное вмешательство в экономическую сферу? Возможно, именно эта удивительная способность капитализма выживать, переваривая часть критики, с которыми он сталкивается,

ством, которое способствует поддержанию процесса накопления; 2) соревновательность. Каждому предприятию постоянно угрожают действия конкурирующих предприятий. Это рождает постоянную тревогу. Поэтому самосохранение является очень сильной мотивацией для капиталистов как катализатор бесконечного процесса накопления; 3) наемный труд. Многие из тех, кто владеет большим капиталом или не владеет им вовсе, получают деньги скорее от продажи своего труда, чем от продажи его результатов. Они не владеют средствами производства и потому зависят от решений тех, кто ими владеет.

в последние десятилетия помогла обезоружить антикапиталистические силы, освободив дорогу восторжествовавшей версии капитализма.

Мы настаиваем на том, что дух капитализма, будучи далеко не простым украшением или «надстройкой» (чем его хотела бы видеть марксистская идеология), занимает центральное место в процессе капиталистического накопления, который он обслуживает, поскольку накладывает ограничения на этот процесс. Доводя эти объяснения до логического финала, можно сказать так: не вся прибыль легитимна, не любое обогащение честно, не всякое накопление (сколь бы весомым и быстрым оно ни было) законно. Таким образом, интериоризация акторами особого духа капитализма действует в реальном мире как фактор, сдерживающий процесс накопления. Соответственно, дух капитализма обеспечивает оправданием как капитализм, так и разновидности его критики, которые обличают разрыв между текущими формами накопления и нормативными концепциями социального порядка.

Прежде всего, дух капитализма происходит от довольно устойчивого набора аргументов, в большинстве своем сформулированных экономической теорией⁵. Однако некоторые объяснения, которые можно найти в этих теориях, имеют слишком общий и статичный характер. Они не побуждают обычных людей к принятию определенного стиля жизни (т.е. типа профессии), равно как не снабжают людей аргументативными ресурсами, которые позволят им справиться с возможным порицанием или личной критикой, им адресованной. Дух капитализма будет крепнуть, только если предлагаемые им оправдания конкретизированы, т.е. если он делает людей, к которым обращается, более осведомленными о том, что поставлено на карту, и предлагает им модели действия, которыми они в самом деле могут воспользоваться.

Три измерения играют особенно важную роль в обеспечении конкретного выражения духа капитализма.

1. Первое отсылает к тому, что столь «воодушевляющего» дает участие в капитализме, другими словами, как эта система может помочь людям добиться процветания и как она может рождать энтузиазм. Это «воодушевляющее» измерение обычно связано с различными формами «свободы [выбора]», которые предлагает капитализм.
2. Второй набор аргументов обычно делает акцент на формах *защитенности*, которые предлагаются тем, кто включен в капиталистический процесс, — им самим и их детям.

⁵ По существу, есть три типа аргументов. Их логика сосредоточена на следующем: 1) тип развития, который неотделим от текущего состояния технологии или экономики; 2) эффективность и производительность основанного на соревновании производства; 3) тот факт, что капитализм считается режимом, благоприятствующим индивидуальным свободам (которые могут быть по своей природе экономическими, а также политическими).

3. Наконец, третий набор аргументов (который особенно важен для нашего изложения) обращается к понятию *справедливости*, объясняя, насколько капитализм согласуется с чувством справедливости и какой вклад он вносит в общее благо.

Можно сказать, что дух капитализма, рассмотренный таким образом, претерпевает некоторое число исторических трансформаций. Обратившись к литературе, посвященной эволюции капитализма, можно выделить как минимум три «духа», которые возникают, один за другим, начиная с XIX века.

1. Первый, описанный среди прочих В. Зомбартом, соответствует преимущественно семейной форме капитализма. Его главным олицетворением является предприимчивый *буржуа*. «Воодушевляющее» измерение выражено в предпринимательском духе; защищенность — в уважении к буржуазной морали. В свою очередь, механизмы справедливости настроены в основном на благотворительность и личную помощь.
2. Второй «дух» (описание которого мы находим в 1930–1960-х годах, например, в трудах Гэлбрейта) фокусируется на идее большой сплоченной фирмы. Его главным олицетворением является директор на постоянной должности. Защищенность здесь должна обеспечиваться благодаря механизмам карьерного продвижения, а также связи между частным капитализмом и подъемом государства всеобщего благоденствия. Справедливость приобретает выраженную меритократическую форму в том, что касается вознаграждения навыков, подтвержденных лицензией или дипломом.
3. Третья форма капитализма начинает формироваться в 1980-х. Наша книга посвящена в основном конструированию идеального типа этой третьей разновидности духа капитализма.

Сравнение Нового духа капитализма с предшествующим

Чтобы описать, как дух капитализма менялся между 1960-ми и 1990-ми годами, мы сосредоточим наши усилия (как до нас это сделали Вебер и Зомбарт) на текстах, содержащих моральные наставления применительно к деловым практикам. В нашем случае это два корпуса текстов, взятых из учебников по менеджменту: один, датированный 1960-ми, другой — 1990-ми годами (каждый корпус представляет собой около 500 страниц из 50 текстов). В корпус 1960-х годов мы включили тексты, опубликованные между 1959 и 1969 годом; в корпус 1990-х — тексты между 1989 и 1994 г. Большинство этих текстов по менеджменту было написано консультантами, особенно те из использованных нами, которые относятся к 1990-м. Все они представляли собой статьи на французском, опубликованные в «профессиональных» (в противоположность академическим) журналах по менеджменту. Некоторые

из этих статей были переведены с английского. Мы выбрали те их отрывки, где авторы попытались представить общую картину «нового» мира, в котором мы живем, вместе с характеристиками нового корпоративного героя, сейчас повсеместно называемого по-французски «менеджером» (этот термин только недавно был введен во французский язык, где на протяжении 1960-х преобладали обозначения «cadre» и «directeur»). Эти тексты были посвящены прежде всего организации труда, новым корпоративным формам организаций и условиям работы менеджеров.

Каждый корпус текстов был обработан двумя способами. Во-первых, он был подвергнут стандартному тематическому анализу, призванному ответить на определенные вопросы. Как авторы определили свои задачи? Какие проблемы они выделили? Какие ответы и решения предложили? Какие элементы текущей ситуации они сочли неприемлемыми? В *табл. 1* в обобщенном виде представлено, как каждый корпус текстов отвечает на эти вопросы. В *Приложении 1* содержатся некоторые элементы анализа текстов 1990-х.

Вслед за этим мы обработали наши находки с помощью лексикографического метода, подсчитывая частоту, с которой в текстах встречаются отдельные наименования и категории.

Таблица 1. Сравнение двух корпусов работ

	<i>Работы 1960-х гг.</i>	<i>Работы 1990-х гг.</i>
<i>Обозначенные проблемы (темы, которые привлекли внимание авторов)</i>	Недовольные «менеджеры» (чрезмерно технические роли, не оставляющие автономии; критика властных полномочий директоров компаний; открытое осуждение негативных побочных эффектов бюрократизации)	Отказ от иерархии как формы господства
	Управленческие проблемы связаны с громадными размерами фирм (угроза свободе со стороны бюрократии)	«Свобода» для всех наемных работников (а не только для управляющих, как это было в 1960-х)
<i>Решения</i>	Децентрализация Меритократия Управление, ориентированное на цели	Конкуренция и непрерывные изменения Небольшие компании, организованные в сети или по проектному принципу; реорганизация; гибкие, инновационные и компетентные организации

	<i>Работы 1960-х гг.</i>	<i>Работы 1990-х гг.</i>
	Компетентные управленцы (cadres) и/или руководители (directeurs), отобранные на основании личных заслуг, продемонстрированных на протяжении всей карьеры на одну фирму.	Лидеры и другие креативщики (способные управлять автономными и творческими людьми)
	Иерархический контроль	Бизнес-тренеры, <i>менеджеры</i> («managers» — новое французское обозначение для управленцев), эксперты Самоконтроль, контроль со стороны клиента, ответственность
<i>Что считается неприемлемым</i>	Вмешательство частной сферы (переход на личности, кумовство, продвижение с помощью личных связей, а не заслуг, клановость и привилегии)	«Cadres» (прежнее французское обозначение менеджеров) Бюрократия Разделение между личной и профессиональной жизнью

Этот анализ привел нас к выводу о том, что возникло новое представление о фирме, которую отличает очень гибкая организация; которая организована вокруг проектов; встроена в сеть; имеет мало иерархических ступеней; логика сквозных потоков замещает в ней более иерархическую логику и т.д. Этот новый образ особенно явно контрастирует с предшествующим, где фирма уделяет особое внимание иерархической организации, представляет собой единое целое и сама реализует все виды деятельности (вертикальная интеграция). Эта форма господствовала в 1960-х, когда ее превозносили за то, за что впоследствии порицали (авторы 1990-х), указывая на ее чрезмерную «бюрократизацию». Кроме того, авторы 1990-х обещали новый тип приверженности экономическому действию — в соответствии с новым духом капитализма.

В противоположность тому типу гарантий занятости, которые предлагались в 1960-е и подразумевали меритократический подход, основанный на исполнении оговоренных задач, теперь карьера рассматривается как серия реализованных проектов. Гарантия занятости сейчас опирается на «пригодность к найму» [employability], которую человек развивает по мере накопления опыта.

Литература 1990-х по менеджменту предлагает идеалы, проекты для организации людей, модели управления и социальной защищенности, которые существенно отличаются по своей природе от того, что предлагалось в 1960-х, откуда нетрудно заключить, что дух капитализма заметно изменился за последние 30 лет.

В табл. 2 обобщены изменения духа капитализма за последнее столетие.

Таблица 2. Три духа капитализма

	<i>Первый дух (конец XIX в.)</i>	<i>Второй дух (1940–1970-е гг.)</i>	<i>Третий дух (с 1980-х гг.)</i>
<i>Формы накопления капитала</i>	Маленькие семейные фирмы Буржуазный капитализм	Фирмы под руководством управленцев Большие промышленные компании Массовое производство Государственная экономическая политика	Сетевые фирмы Интернет и биотехнологии Глобальная финансовая система Диверсифицированные и дифференцированные производства
<i>Воодушевление</i>	Свобода от местных сообществ Прогресс	Карьерные возможности Властные позиции Эффективность возможна в «свободных странах»	Нет больше авторитарных начальников Организации с гибкой системой управления Инновация и креативность Постоянное изменение
<i>Справедливость</i>	Соединение домашней и рыночной справедливости	Меритократическая оценка эффективности Целеориентированное управление	Новая форма меритократии, превозносящая мобильность, способность подпитывать сеть Каждый проект — это возможность для развития своей «пригодности к найму»
<i>Защищенность</i>	Личная собственность, личные отношения Благотворительность, патернализм	Долгосрочное планирование Карьеры Государство всеобщего благоденствия	Для мобильных и легко приспособляющихся У компаний будут ресурсы для самообеспечения Управлять собой

Перемены последних десятилетий сопровождалась достаточно радикальным изменением в определении справедливых условий труда и справедливом отношении к одним работникам в сравнении с другими. Следующий раздел позволит нам понять характер этих изменений.

Становление новой системы ценностей

Чтобы точно определить характер представления о справедливости, выведенного в изученных нами текстах по менеджменту, мы использовали теоретический конструкт, который Люк Болтански разработал вместе

с Лораном Тевено в одной из предыдущих публикаций [Boltanski, Thévenot, 1991]: это модель «режима оправдания» (фр. «Cité»). Изначально этот конструкт создавался, чтобы прояснить условия, позволяющие судить о том, насколько легитимным и справедливым является распределение или оценка благ.

Для таких ситуаций характерно, что какое бы суждение в конечном счете ни выдвинули люди, они всегда столкнутся с критикой. Отказываясь оставаться в рамках общепринятого противопоставления между социологией консенсуса и социологией конфликта, Болтански и Тевено утверждают, что эти «легитимные порядки» могут быть использованы как для достижения *согласия*, так и для осуществления *критики*. Они называют эти конструкты градами (*cités*), таким образом отсылая к классической политической философии, чьей целью являлась разработка легитимного порядка, основанного на принципе справедливости. Однако в противоположность политической философии, которая обычно стремится привязать этот социальный порядок к единственному основанию (утопизм), Болтански и Тевено утверждают, что в сложных современных обществах, внутри одного социального пространства могут сосуществовать несколько оправдательных режимов, хотя их действенность способна меняться в зависимости от ситуации, т.е. в зависимости от материальных или символических характеристик включенных в нее объектов. Наконец, в отличие от авторов «лингвистического поворота» и с целью избежать идеалистического объяснения, слишком полагающегося на вербальную аргументацию, Болтански и Тевено утверждают, что притязания людей требуют столкновения с реальным миром, поэтому они проходят серию более или менее стандартизированных процедур, названных *испытаниями* (*épreuves*). В конечном счете исход этих испытаний наполняет суждения людей содержанием. Именно это дает им силу противостоять вызовам.

Авторы выделяют шесть режимов оправдания:

1. Град вдохновения.
2. Домашний град.
3. Град славы.
4. Гражданский град.
5. Рыночный град.
6. Индустриальный град.

Каждый из этих режимов оправдания опирается на свой принцип оценки. Каждый подход представляет человека через свой фильтр: он исключает любой другой тип категоризации и предлагает собственный способ упорядочения затронутой им реальности. Это было названо «принципом эквивалентности», поскольку утверждает общий эквивалент (стандарт), без которого сравнительные оценки становятся невозможными. Таким образом, можно сказать, что в терминах данного стандарта (например, эффективности в Индустриальном граде) резуль-

таты испытания людей могут различаться (а таким образом, различной оказывается и их [людей] специфическая ценность — например, индустриальная — для остального общества). Ценность человека, определяемая в процессе легитимации и в категориях определенного стандарта, называется его/ее «величием».

В Граде вдохновения (1) величие определяется как близость к святому, который достиг состояния благодати (или, иначе, к талантливому творцу [artist]). Это качество возникает в результате аскетической подготовки и выражается прежде всего в проявлениях вдохновения (святость, творчество, художественное чутье, подлинность и т.д.). В Домашнем граде (2), чтобы достичь величия, люди опираются на свое иерархическое положение в цепи личных взаимозависимостей. Политические связи, объединяющие людей, берут начало в модели послушания, основанной на модели семьи. Эти связи мыслятся как обобщенные поколенческие, где сочетаются традиция и родство. «Великий» — это старший, предок, отец; его полагается уважать, ему полагается быть преданным, и он в ответ дарует поддержку и защиту. В Граде славы (3) величие зависит только от мнения других людей, т.е. от числа тех, кто готов предоставить доверие и уважение. «Великий» в Гражданском граде (4) — это представитель группы, тот, кто выражает ее коллективную волю. В Рыночном граде (5) «великий» человек — это тот (или та), кто разбогател, предлагая высоковольтные товары на конкурентном рынке, и умеет воспользоваться удобным случаем. Наконец, в Индустриальном граде (6) величие основано на эффективности и определяет иерархию профессиональных способностей.

Режимы оправдания описываются с помощью базовой «грамматики», которая включает:

1. *Принцип эквивалентности* (с отсылкой к которому в том или ином конкретном граде могут быть оценены любые действия, вещи и люди).
2. *Состояние величия*, когда «великим» является человек, в значительной мере воплощающий в себе ценности града, и *состояние малости*, определяемое как недостаток величия.
3. Определение того, что является важным в каждом из миров, в терминах категорий объектов (*каталог объектов и приспособлений*), людей (*каталог субъектов*) и глаголов, обозначающих отношения, характерные для каждой формы величия (*естественные отношения между существами*).
4. *Коэффициент величия*, определяющий характер отношений между великим и малым, в особенности то, как «великие люди», участвуя в создании общего блага, могут быть полезными «малым».
5. *Формат инвестиций* — основное условие устойчивости каждого града, поскольку, связывая величие и жертву (принимающую

особую форму в каждом граде), он гарантирует, что все права уравновешены обязанностями.

6. *Парадигматическое испытание*, которое в каждом режиме оправдания лучше всего выявляет величие человека.

7. *Гармоничная фигура естественного порядка*, транслирующая идеальные типы, соответствующие универсумам, внутри которых происходит справедливое распределение *величия*.

Мы пропустили два корпуса работ через эту аналитическую решетку. Но шесть режимов оправдания, выделенных Болтански и Тевено (1991), не могут полностью описать все типы оправдания, которые встречаются в рассмотренных нами текстах 1990-х. Мы считаем, что возникает новая, все более влиятельная логика оправдания, выводящая на передний план мобильность, доступность и разнообразие имеющихся у человека связей. Чтобы подчеркнуть ее новизну и специфику, мы выделили эту логику в седьмой режим оправдания, Проектно-ориентированный град. Он отсылает к форме справедливости, свойственной миру, который состоит из сетей (с высокой степенью связности и сложности). В *табл. 3* дается беглый обзор характеристик этого града.

Предположение о возникновении нового града, где *испытанию* подвергается способность устанавливать связи, не означает, — как, похоже, это представляется в некоторых недавних исследованиях, — что формирование сетей есть нечто совершенно новое. Наша позиция иная. Сети, сколь обширными они бы ни были, не намного моложе, чем был рынок, когда Адам Смит писал «Богатство наций». Можно, однако, предположить, что именно в последней трети XX века посредничество — искусство соединять людей и извлекать выгоду из самых разнообразных и далеких связей — стало самостоятельным типом деятельности, отделенным от других (за которыми оно скрывалось прежде), выделилось и получило ценность само по себе. Мы считаем это важным новшеством.

Таблица 3. Грамматика проектно-ориентированного режима оправдания

<i>Седьмой режим оправдания</i>	
Принцип эквивалентности (общий стандарт)	Активность; инициирование проектов; дальние связи между людьми
Состояние малости	Неспособность включаться, доверяться другим, коммуницировать; ограниченность, предубеждение, авторитаризм, нетерпимость, постоянство, переоценка личных связей, бескомпромиссность и т.д.

Состояние величия	Способность адаптироваться, гибкость, многосторонность, искренность в личном общении; способность пускать социальные связи на пользу делу, воодушевлять и увеличивать пригодность к найму партнеров по команде
Каталог субъектов	Менеджеры, бизнес-тренеры, новаторы
Каталог объектов	Компьютеры и информационные технологии, новые организационные схемы (заключение субдоговоров, гибкость, аутсорсинг, автономные единицы, франшизы и т.д.)
Естественные отношения	Доверять и внушать доверие; способность к коммуникации; умение приспосабливаться к чужим нуждам
Коэффициент величия	«Великие» увеличивают работоспособность (т.е. способность принимать участие в другом проекте) «малых» в обмен на их доверие и энтузиазм в проектной работе
Формат инвестиций	Готовность пожертвовать всем, что может снизить твою доступность, отказ от долгосрочных жизненных планов
Стандартное (парадигматическое) испытание	Способность переходить с одного проекта на другой
Гармоничная фигура естественного порядка	Та, где естественная форма мира походит на сеть

В Проектно-ориентированном граде основным стандартом, в соответствии с которым оценивается величие всех людей и вещей, является *деятельность*. В противоположность Индустриальному граду, где деятельность значит «работа», а быть деятельным — «занимать надежную и хорошо оплачиваемую должность», в Проектно-ориентированном граде деятельность преодолевает оппозицию между работой и не-работой, стабильностью и нестабильностью, оплачиваемым и неоплачиваемым, участием в прибыли и волонтерской работой, а также между тем, что может быть измерено в показателях продуктивности, и тем, что нельзя оценить в отчетных показателях о проделанной работе. Жизнь воспринимается как ряд проектов, тем более высоко оцениваемых, чем боль-

ше они отличаются друг от друга. Важно постоянно чем-то заниматься, никогда не быть вне проекта, без идей, всегда пребывать в предвкушении, готовности делать что-то вместе с другими людьми, к встрече с которыми приводит непрекращающийся порыв активности.

Начиная работу над новым проектом, все участники знают, что он имеет временный характер, что он не только может, но и непременно должен когда-нибудь закончиться. Перспектива неизбежного и предвкушаемого окончания заключена уже в самом участии, но не снижает энтузиазма участников. Проекты хорошо адаптированы к сетевому взаимодействию уже только потому, что сами они — переходные формы: последовательность проектов отвечает приумножению контактов, растущее число связей — расширению сетей.

В Проектно-ориентированном граде «великий» должен уметь адаптироваться и быть гибким. Он (или она) является многосторонним, способным переходить от одного вида деятельности или инструмента к другому. «Великий» также активен и автономен. Он (или она) будет рисковать, завязывать контакты с новыми людьми, открывать новые возможности, искать полезные источники информации и, таким образом, избегать монотонности.

Однако самих по себе этих качеств недостаточно, чтобы определить состояние «величия», поскольку они также могут быть использованы в корыстных целях, в эгоистической погоне за успехом. В нашей модели «великий» пользуется преимуществами своих качеств, чтобы внести вклад в общее благо. Поэтому в Проектно-ориентированном граде «великий» также вызывает чувство доверия. Он (или она) не осуществляет авторитарного руководства, как это делает руководитель иерархической организации. Он (или она) управляет своей командой, терпеливо выслушивая других и уважая их отличия. Он (или она) перераспределяет между ними связи, которые приобрел(а), осваивая сети. В результате такой проектный менеджер увеличивает *пригодность к найму* [employability] своих партнеров по команде.

Поскольку каждый режим оправдания привязан к конкретному словарию, мы использовали лексикографическое программное обеспечение для анализа списка [дискурсивных] переменных, связанных с каждым из режимов, а затем попытались выявить, какой град чаще других вырисовывается из обоих текстовых корпусов. Присутствие града измеряется числом упоминаний в данном корпусе той или иной категории, представляющей тот или иной режим оправдания (*табл. 4*).

Наше первое обобщение, вряд ли способное удивить, учитывая, что тексты обеих наших выборок сосредоточены на улучшении организации труда, таково: в оба периода доминирует Индустриальная логика. Отсылки к ней были в целом более позитивными в 1960-х, часто критическими в 1990-х. Преобладание Индустриальной логики было отчетливым в 1960-е; в гораздо меньшей степени это относится к 1990-м. Обратите внимание на соотношение между числом упоминаний Инду-

стриальной логики в каждой выборке и числом упоминаний логики, занимающей второе место в каждом десятилетии. В 1990-х относительная важность Индустриальной логики уменьшается из-за многочисленных отсылок к Проектно-ориентированному граду (Сетевая логика), которых в 1990-х в 2 раза больше, чем упоминаний второй по важности логики в 1960-х.

Таблица 4. Присутствие семи мифов в каждом корпусе работ⁶

1960-е гг.	Количество упоминаний	1990-е гг.	Количество упоминаний
Индустриальная логика	6,764	Индустриальная логика	4,972
Домашняя логика	2,003	Сетевая логика	3,996
Рыночная логика	1,841	Рыночная логика	2,207
Гражданская логика	1,216	Домашняя логика	1,404
Сетевая логика	1,114	Логика вдохновения	1,366
Логика вдохновения	774	Гражданская логика	793
Логика славы	479	Логика славы	768

Растущее значение Сетевой логики, занимающей второе место, несомненно, является одним из важнейших изменений, которые произошли в интервале между этими двумя десятилетиями. Это означает, что благодаря нашему теоретическому конструкту Проектно-ориентированного града удалось выделить хотя бы несколько новых дискурсивных аспектов проанализированных текстов. Логикой, чье присутствие также возросло, стала Рыночная логика — что не удивительно, учитывая подъем мировоззрения, основанного на усилении конкуренции в период, когда корпоративная реорганизация должна была гарантировать, что все работники чувствительны к давлению и запросам, исходящим от клиентов фирмы. Произошло усиление и Логики вдохновения, которое можно объяснить тем особым значением, какое в 1990-х придавалось нововведениям, риску, непрерывному поиску новых решений, личным качествам и т.д. Что касается Домашней и Гражданской логики, они отступили, так же как ослабла Индустриальная логика.

Изменения во французском капиталистическом процессе, произошедшие в 1960–1990-х годах, сопровождалась масштабной реорганизацией систем и ценностей, которые считались релевантными и легитимными для оценки людей, вещей и ситуаций. Если быть точнее, произошли изменения в механизмах, призванных обеспечивать справедливость труда. Поменялись не только организационные типы фирм, но и поведенческие нормы, определения хороших и плохих поступков и источ-

⁶ По абсолютным показателям оба корпуса работ содержат почти одно и то же число упоминаний.

ники их оправдания. Используя язык модели градов, подобная трансформация может быть истолкована как изменение стандартных испытаний или испытательных систем, поскольку именно эти системы, цель которых — реализация в мире принципов справедливости, и есть не что иное, как испытания.

Проект теоретической рамки для анализа изменения норм

Испытания сил и легитимные испытания

Мы различаем два вида испытаний: *испытания сил* (*épreuves de force*) и *легитимные испытания* (*épreuves légitimes*).

Разумеется, любое испытание — это испытание сил. Тем не менее испытание может рассматриваться в качестве легитимного только в том случае, когда силы измеряются в соответствии с принципами конкретного града, по модели которого оно выстроено. Основное условие здесь — определить тип силы, лежащей в основе того или иного испытания и выбрать инструмент испытания, который не предполагает использования какой-либо другой силы. В целом легитимное испытание должно всегда испытывать что-то определенное, представляя *испытанием чего-то* [конкретного]: например, испытанием промышленной эффективности, рыночной гибкости, исполнения домашних обязанностей или даже (школьная система дает тому множество примеров) знания латыни или социологии. Если предполагается, что испытание легитимно, силы, на которых оно сфокусировано, должны подвергнуться квалификации и *категоризации*.

В отличие от легитимного испытания, в испытании сил допустимо использовать любые и все типы сил. Ничего не определено заранее. Все дозволено, пока ведет к успеху. В случае легитимного испытания, напротив, возможно не все.

Если легитимное испытание относится к миру труда, оно может закончиться усилением ограничений, которые сдерживают процесс капиталистического накопления. Другими словами, дух капитализма, в той мере, в какой одной из его составляющих является забота о справедливости, действует как ограничитель экономического процесса. На самом деле, именно наличие этого ограничителя легитимирует сам процесс. Можно было бы даже сказать, что, если от людей ожидают признания их деятельности внутри корпорации и поддерживаемых ими организационных моделей легитимными, цена, которую приходится за это платить, — это внедрение испытательных систем, работающих как ограничители [действий] руководящего звена фирм.

Приведем пример того, как накопление может сдерживаться отсылками к требованиям, предъявляемым фирме и выраженным в терминах общего блага (т.е., если пользоваться понятиями данной статьи, в терминах режима оправдания). В Рыночном граде обоснование прибыли (как и социетального порядка, вытекающего из столкновения множе-

ства разных людей, одинаково стремящихся к прибыли) зависит исключительно от того, насколько полно рыночное испытание удовлетворяет ограничениям, подобным равенству шансов, чтобы успех мог быть отнесен всецело и исключительно на счет заслуги (в данном случае умения использовать возможности, предоставляемые рынком, и/или притягательности продаваемых товаров и услуг), а не сложившегося баланса сил. Важнейший среди этих ограничителей – гарантия того, что любая отдельная ситуация будет соревновательной (без господствующих позиций, сложившихся сговоров и картелей) и что информация будет в равной мере доступна всем участникам. По существу, только при очень ограниченных условиях рыночное испытание может быть признано легитимным. Более того, выполнение всех этих требований само по себе не обеспечивает никаких особых гарантий получения прибыли. Как раз наоборот, оно может стать для нее серьезной помехой.

На более масштабном уровне, в обществе, где на множество испытаний действуют одни и те же ограничители, вроде тех, что, согласно нашему определению, делают испытание «легитимным», сила наиболее сильных членов общества уменьшается. Это происходит потому, что формы испытаний (попытки сделать их более честными и справедливыми) ведут к ограничению возможностей людей, обладающих разнообразным, прежде всего недостаточно определенным набором преимуществ – сил, которые они стремятся заменять, смешивать, обменивать и распространять исключительно из стратегических нужд текущей ситуации. Вы не можете заставить литературного критика признать вас великим и талантливым писателем, заплатив ему; вы не станете начальником только потому, что являетесь родственником министра и т.д. Невозможна победа любой ценой.

Между тем испытания сил и легитимные испытания не следует считать независимыми моментами, противопоставленными один другому. Между ними разворачивается континуум, и испытания могут восприниматься как справедливые в большей или меньшей степени. Более того, всегда можно разоблачить поступки, которые задействуют скрытые силы и тем самым уменьшают легитимность испытания. Один из примеров: неблагополучие социоэкономической ситуации ребенка сегодня признается фактором, определяющим школьные успехи, притом что сами учителя, выставяющие оценки, явным образом в его признании не участвовали.

Каждому из этих двух типов испытаний (испытание сил и легитимное испытание) соответствует определенный способ действия. Первый мы назвали «способом категоризации», так как о действиях индивидов публично судят другие люди. Суждение здесь основывается на нескольких ясных и признанных принципах эквивалентности, многие из которых подкреплены юридически. Как следствие, этот способ отсылает к социальным *конвенциям*, которые обладают широкой сферой применимости и определенным типом экстернатальности, т.е. формой транс-

цендентности. Потому подобные конвенции можно рассматривать вне зависимости от ситуаций, где они реализуются.

Второй тип мы назвали «способом смещения» потому, что направление действий и сил, которые он включает, меняется в зависимости от частных обстоятельств и/или степени сопротивления, с которыми они сталкиваются. В этом случае испытание представляет собой испытание сил. Это способ, не нуждающийся в чьей-либо оценке. В противовес способу категоризации, он не отсылает к социальным конвенциям и не претендует ни на экстернальность, ни на всеобщность. Смещение как таковое всегда локально, событийно и ситуативно. Его легко принять за случайность, и оно вполне удовлетворяется ограниченной рефлексией. Смещение может быть описано с отсылкой лишь к одной плоскости (той, которую Жиль Делез называл «плоскостью имманентного»). Тем самым оно избавлено от любого оправдательного ограничения, которое подразумевало бы необходимость отсылки ко второму уровню — к тому, который, в логике категоризации, воплощает конвенцию эквивалентности.

В целом изменения в системах испытаний, как кажется, исходят от групп агентов, которые пытаются освободиться от чего-то, что не позволяло им получать удовольствие и наращивать привилегии. Они добиваются этого, находя новые способы достичь успеха и признания в обход существующих легитимных испытаний. Такие агенты стремятся избежать привычных испытаний, экспериментируя с рискованными, частными и зачастую незаметными *смещениями*.

Если эти смещения удастся реализовать, они постепенно изменяют систему испытания. Они замещают новыми, менее формализованными и менее признанными испытаниями прежние, которые (будучи привычными, известными и зачастую обеспеченными юридически) все чаще подвергаются критике. В данном обществе эти смещения усиливают относительную важность испытаний сил в сравнении с легитимными отношениями, основанными на институционализированных испытаниях. Новые легитимные испытания могут появляться также в том случае, если выполняется хотя бы одно из двух следующих условий.

1. Если люди, которые произвели эти смещения, считают, что они усилили свою позицию, и находят, что заслуживают особого признания, они могут настаивать, что — каждый по-своему — внесли вклад в общее благо.
2. Когда смещения, произведенные этими людьми (сдвиги, которые прежде считались единичными, ситуативными или незначительными по своей природе), начинают восприниматься как нечто в целом значимое. Их поведение станет впоследствии подвергнуто критике, которая уподобит эти новые инструменты (в действительности, возникающие из предыдущих смещений) новым испытаниям, еще не установленным и не категоризованным.

Агенты, которым выгодны эти смещения, впоследствии могут развить — для себя и других — [соответствующую] ценность («величие»), которая будет благоприятствовать их положению в мире. Более того, поступая таким образом, они могут сообщить своей ситуации самостоятельное моральное измерение. Они превращают эти новые испытания в нечто оправданное.

Одновременно с этим процессом легитимации происходит установление норм (нередко посредством правовых процедур), чтобы разграничить морально приемлемые и морально неприемлемые или нечестные (т.е. эгоистические) способы использования новых ресурсов.

Роль критики

В этих *категоризирующих* и *смещающих* взаимодействиях мы отводим решающую роль критике, что позволяет нам описать то, как изменяются системы испытаний. Понятие критики выводит за рамки теоретического противостояния между интерпретациями, отсылающими либо к балансу сил, либо к легитимности отношений. Сама идея критики имеет смысл только тогда, когда существует расхождение между желаемой и реальной ситуацией. Чтобы возыметь действие, критика должна быть способна оправдать себя, т.е. прояснить нормативные основания, на которые она опирается, особенно когда речь идет об оправданиях, действенность которых, в свою очередь, является объектом критики. Поэтому критика постоянно обращается к идее справедливости, ибо, если справедливость — это иллюзия, зачем вообще критиковать? С другой стороны, критик предъявляет мир, где нуждой в справедливости постоянно пренебрегают. Он (или она) вскрывает лживость моральных претензий, за которыми на деле обнаруживается баланс сил, эксплуатация, господство и т.д.

Между критикой и испытанием имеется тесная взаимосвязь. Критика влечет за собой испытание, поскольку заставляет усомниться в существующем порядке и бросает тень подозрения на силы, соответствующие каждой из компонент этого порядка. Вместе с тем испытание, особенно когда оно претендует на легитимность, становится предметом критики, разоблачающей несправедливость, вызванную действием скрытых сил.

В этой связи можно предположить, что существует два способа критиковать испытания.

Первый преследует цель *коррекции*. Критика разоблачает то, что в проблемных испытаниях противоречит справедливости, в особенности силы, которые некоторые участники мобилизуют без ведома других, что дает им незаслуженное преимущество. В этом случае цель критики — сделать испытание более справедливым (можно сказать, ужесточить его); убедиться, что оно согласовано с общепринятыми конвенциями; улучшить правовые или регулирующие условия, в которых оно реализуется. Институционализированные испытания, такие как по-

литические выборы, учебные экзамены, спортивные соревнования, переговоры лицом-к-лицу с клиентами и т.д., представляют собой результаты этой работы, благодаря которой испытание становится более справедливым в процессе «устранения ошибок». Их цель — допустить к участию только те силы, которые, как считается, соответствуют конкретному типу испытания. Тем не менее эти испытания должны непрерывно подвергаться дальнейшим улучшениям, а следовательно, критике. Процесс устранения ошибок на самом деле бесконечен, поскольку онтологически существует неограниченное число отношений, которые можно использовать, чтобы судить о задействованных в них людях.

Второй способ критиковать испытания можно назвать *радикальным*. Он не исправляет испытание, чтобы сделать его более справедливым, но устраняет, а возможно, и заменяет его другим. Здесь оспаривается сама обоснованность испытания (а таким образом, и то, что создает в нем необходимость).

Следует обратить внимание и на возможные последствия корректирующей критики основных институционализированных в том или ином обществе испытаний. Если критикуемые испытания претендуют на легитимность (т.е. если их оправдания отсылают к тем же нормативными позициями, к которым апеллирует критика), те, кто отвечает за их практическую реализацию, не могут и дальше игнорировать критические замечания в свой адрес. Чтобы сохранять легитимность, они должны инкорпорировать ответ на эту критику. Он может состоять либо в доказательстве ошибочности критики (тогда нужно привести неоспоримые свидетельства) или в ужесточении контроля над испытанием и устранении ошибок, которое приводит испытание в большее соответствие с моделью справедливости, лежащей в его основании. Именно так происходит, например, когда после ряда обвинений экзамен, который прежде афишировал имена экзаменуемых, становится анонимным.

Однако возможна и другая реакция на корректирующую критику испытания. Она состоит в попытке обойти эту критику, вместо того чтобы на нее ответить. Некоторые участники могут быть заинтересованы в том, чтобы испытание утратило свою важность, т.е. превратилось бы во второстепенное, особенно если становится слишком сложно отвечать на критику, которая постоянно возобновляется и, в следствие этого, заставляет организатора испытания ужесточать его и увеличивать его себестоимость. Вместо того чтобы прямо пересмотреть эти институционализированные испытания, что оказалось бы слишком дорогостоящим (прежде всего с точки зрения легитимности), они пускаются на поиски новых источников прибыли, которые основывались бы на *смещениях* – частных, малозначительных, не слишком заметных и немногочисленных.

Эти смещения могут иметь географический характер, например перемещение в регионы с дешевой рабочей силой и со слабо развитым и/или недействующим трудовым законодательством. Например, такое смещение происходит, когда компании не желают менять соотношение

между заработной платой и прибылью, как этого требует критика. Законодательство о защите окружающей среды способствует возникновению сходных ситуаций. Другим примером может служить изменение фирмой критериев успешной карьеры после того, как она решает обойти стандартные процедуры менеджмента карьеры или упразднить формальные испытания при приеме на работу (графологические, психотехнические и т.д.), которые часто находят излишне дорогостоящими.

Другим следствием такого рода реакции на критику, основанной на смещении, становится временное обезоружение критики, поскольку критики сталкиваются с миром, который они уже не способны объяснить. Критика и ее методы, связанные с предшествующим духом капитализма, оказываются едва ли релевантны новым формам испытаний, которые еще не прошли процедур признания, институционализации, кодификации или категоризации. Объясняется это тем, что одна из основных задач критики — это, по сути, выявление основных испытаний какого-либо общества и прояснение или/и побуждение протагонистов к прояснению принципов, лежащих в основе этих испытаний, ввиду возможного проведения корректирующей или радикальной (реформистской или революционной) критики, в зависимости от существующих альтернатив и от стратегий задействованных индивидов.

Таким образом, критика может воздействовать на испытание следующими способами.

1. Задача критики — выявлять испытания, действительно важные для общества, открыто изобличая его «силовые испытания». В этом случае критика осуществляется посредством категоризации, т.е., через организацию ряда отдельных испытаний, между которыми, как показывает критика, есть что-то общее — в данном случае тот факт, что они определяют позицию людей в обществе и, таким образом, их относительную социальную ценность.
2. Критика формата испытаний может привести к «устранению ошибок» (ужесточению) в испытаниях с точки зрения их справедливости. Она должна гарантировать, что силы, которые не должны быть задействованы в испытаниях, действительно не будут задействованы; иными словами, она должна продвигать применение процедур и правил, которые делают испытание более справедливым.
3. Критика призвана постоянно бдить за основными испытаниями общества, гарантируя, что легитимное испытание соответствует принятому формату и что отклонения от этого формата будут изобличены.
4. С другой стороны, критика может попытаться упразднить некоторые испытания во имя всеобщего желания изменений в господствующей системе ценностей. В этом случае критика помогает делегитимировать испытания, и не изнутри системы

(как в случае с сильными членами общества, которые прошли испытания, не заплатив полной цены), а извне. Смысл здесь в том, чтоб оценку и отбор недопустимо осуществлять из принципов, которые на самом деле должны быть упразднены.

Приложение модели к изменениям во Франции между 1968 и 1995 годом

Поскольку дух капитализма, преобладающий в определенный период, участвует в создании легитимного испытания, которым может пользоваться в капиталистических трудовых условиях, вышеупомянутые формы критики, на деле, целят в саму капиталистическую систему.

Критика капитализма стара как сам капитализм. Капитализм нуждается в оправдании уже по той причине, что он подвергается критике. Там, где нет критики, нет необходимости в оправдании (и, следовательно, в чем-то, вроде духа капитализма). Поэтому мы различаем два типа критик, которые развивались начиная с XIX века.

Первую мы называем «социальной критикой». В ней акцент делается на неравенстве, страдании, эксплуатации и корыстности мира, который поощряет индивидуализм вместо солидарности. Ее основным носителем выступало рабочее движение.

Мы называем вторую форму критики (которую Кьяпелло (1998) исследовала в ее предыдущей книге, «Художники против менеджеров», следующей за книгой Грана «Богема против буржуазии») «артистической критикой». Она впервые появилась в небольших художественных и интеллектуальных кружках и сосредоточивается на иных характеристиках капитализма. В капиталистическом мире эта критика обращена на угнетение (господство рынка, фабричную дисциплину), массивфикацию общества, стандартизацию и всепроникающую коммодификацию. Она отстаивает идеал освобождения и/или личной независимости, оригинальности и подлинности.

Что лежит в основе трансформации, отделяющей второй дух капитализма (все еще широко представленный в литературе по менеджменту 1960-х годов) от третьего (из литературы по 1990-х)? Мы попытались объяснить эту перемену, отказавшись от нередко используемых механицистских (и потому, в некоторой степени, фаталистских) схем, где основной упор делается на глобализации, развитии рынка и технологических трансформациях. [В противоположность глобальным,] наши обобщения основаны на [национальных] французских примерах. Однако мы считаем, что им можно найти более широкое подтверждение, хотя и приняв во внимание особенности различных западных обществ.

Далее, обобщенные в очень краткой форме, представлены различные этапы этой трансформации.

С 1965 по 1975 год наблюдалось значительное усиление критики капитализма. Абсолютный максимум был достигнут в 1968 году, но этот

подъем длился всего несколько лет. Критика угрожала вызвать сильный кризис капитализма. Будучи далеко не только словесным взрывом, она сопровождалась волнами забастовок и насилия. Критика привела к дезорганизации производства, а именно к падению качества индустриальных благ и, в соответствии с некоторыми оценками, к удвоению расходов на оплату труда. Критике подверглись практически все общепринятые испытания, на которые опиралась легитимность социального порядка.

1. Испытания, послужившие как источником зазора между зарплатой и прибылью, так и способа распределения прибавочной стоимости между акционерами и наемными работниками.
2. Испытания, легитимировавшие силовые асимметрии и иерархические отношения (не только на производстве, но также в школах и даже в семье).
3. Испытания, служившие для социального отбора (учебные экзамены, прием на работу, продвижение по службе и т.д.).

В тех испытаниях, которые более всего бросались в глаза, критика разоблачала то, что посягало на социальную справедливость. Скрытые силы, разрушающие испытания, подверглись особенно яростному разоблачению, указывавшему на неявные преимущества некоторых участников.

Высокий уровень критики встревожил многих лидеров капиталистических институций. Через своих представителей наниматели жаловались на «кризис власти» и на отказ работников подчиняться трудовой дисциплине и/или придерживаться целей фирмы. Считалось, что чаще всего это было свойственно молодежи того времени.

Отличительной чертой кризиса 1968 года было то, что оба типа критики, *артистическая* и *социальная*, играли одинаково важную роль в этом процессе, тогда как во время предыдущих кризисов артистическая критика звучала только в узких интеллектуальных кругах. Это изменение могло быть связано с быстрым ростом числа студентов в 1960-х и с растущей важностью той роли, которую менеджеры, инженеры и техники (все они обладали значительным культурным капиталом) играли в процессе производства.

Во французском деловом мире артистическая критика проявилась главным образом в требованиях самоуправления (их высказывал преимущественно профсоюз CFDT), т.е. в требовании ввести рабочий контроль над управляющими фирм, увеличить личную независимость и инициативу. Эти требования были озвучены в основном техническими специалистами, инженерами и средним руководящим звеном. Напротив, требования традиционной социальной критики озвучивались главным образом профсоюзом CGT⁷ (который был тесно связан с Ком-

⁷ CFDT (Confédération française démocratique du travail, Французская демократическая конфедерация труда) и CGT (Confédération général du travail, Всеобщая кон-

мунистической партией, где, как и среди членов профсоюза, преобладали квалифицированные рабочие, и с большинством заводской среды).

Французские организации нанимателей пытались преодолеть кризис 1968 года, последовательно реализуя две стратегии:

Первая стратегия выхода. Приблизительно в 1968–1973 годах первая стратегия выхода из кризиса состояла в полном отказе от требований артистической критики, при прежнем внимании к требованиям социальной критики. Поэтому организации нанимателей стремились достичь соглашения с профсоюзами в ходе испытаний, сформировавшимися в 1950-х (переговоры в рамках структуры коллективного торга, переговоры на национальном уровне под контролем государства и т.д.). Профсоюзы, также часто дезориентированные социальными волнениями, инициаторами которых они не являлись, играли по правилам. Эти переговоры вели к росту минимальной заработной платы по стране, уменьшению неравенства в оплате труда и подписанию некоторого числа соглашений, которые действовали на национальном уровне и упрочивали гарантии занятости работников. Что касается испытаний, связанных с отбором людей и распределением власти, критика вела в конечном счете к созданию более справедливых испытаний, ближе расположенных к меритократическому идеалу. Это происходило через коррекцию процедур испытания, которые меняли таким образом, чтобы избежать какого-либо участия сил, не включенных в официальные рамки испытания.

Таким образом, используя наши понятия, можно сказать, что критика привела к ужесточению испытаний. Более строгое испытание ставило в невыгодное положение тех, кто раньше находился на привилегированных позициях, т.е. имел свободный доступ к разнообразным ресурсам, способным дать преимущество перед другими состязующимися.

Вторая стратегия выхода. Растущее признание требований социальной критики (с их высокими символическими и экономическими издержками) не сильно способствовало прекращению кризиса. Поэтому уровень критики, как и дезорганизация производства, оставались высокими. Около 1975 года организации нанимателей начали разработку новой стратегии, которая стала ответом на снижение прибылей, следовавшее за первым нефтяным кризисом. Эта стратегия подразумевала отказ от привычных испытаний (на которые была направлена «социальная критика»); наниматели начали прислушиваться к новым требованиям, исходившим от артистической критики.

Наиболее очевидные изменения произошли в организации труда. Огромное число больших компаний вводили новшества и экспериментировали, чтобы «улучшить условия труда» — фраза, которая стала главным девизом организаций нанимателей на протяжении второй половины 1970-х. Поначалу эти изменения осуществлялись локально и поч-

федерация труда) входят в число самых крупных и влиятельных трудовых профсоюзов во Франции.

ти наудачу. Постепенно те из них, которые доказали свой успех, начали распространяться и координироваться организациями нанимателей. Эти организации, находящиеся под влиянием социологов и консультантов «нового типа», выходцев из движения 1968 года, сформировали новое понимание кризиса, рассматривая его как мятеж против устаревших (т.е. фордистских) условий труда и традиционных форм власти.

Эти изменения состояли по большей части в признании требований независимости обоснованными. К тому же преимущества, которыми прежде обладало только высшее руководство (независимые команды, гибкие программы, бонусы, зарплаты, зависящие от эффективности работы), распространились на все уровни управления. В организации производства произошли схожие изменения. Череду трансформаций разбила крупные сплоченные компании на ряд небольших единиц, которые были связаны друг с другом сетью контрактов (временная работа, субконтракты, аутсорсинг, обеспечивавший второстепенные виды деятельности организации, и т.д.).

Говоря кратко, этот «второй выход» подразумевал отказ от предшествующей системы привычных испытаний (профессиональные отношения) в пользу ряда *смещений*. Эти смещения способствовали возникновению новых испытаний (например, новых требований к квалифицированным рабочим, чьи навыки общения стали важным предварительным условием их отбора). Хотя тем, кому предназначались эти испытания, было сложно их определить *per se*, поскольку их еще не подвергли никакой квалификации, категоризации и упорядочению.

В 1980-х одна из основных задач консультантов состояла в координации этих изменений и придании им смысла, в частности, путем их интерпретации на языке сетей, заимствованном из социальных наук. «Вторая стратегия выхода» добилась успеха там, где потерпела поражение первая. Благодаря смещениям менеджеры снова получили возможность контролировать работников. Это высвободило капитализм, позволив ему возобновить свою экспансию.

Молчание критиков в этот период очень способствовало разворачиванию нового капитализма. В целом это молчание было продуктом предшествующих смещений, которые происходили как минимум на двух уровнях.

Социальная критика, обычно озвучиваемая основными профсоюзами, была обезоружена изменением [общества], которое она не смогла объяснить. Она строилась на изоморфизме со своими оппонентами, большими сплоченными фирмами. Потому она утратила силу в новых условиях и больше не могла влиять на решения нанимателей.

Артистическая критика потеряла свою остроту по совсем иной причине. Многие из тех, кто озвучивал эту форму критики во время кризиса 1968-го, были удовлетворены изменениями, произошедшими в организации труда и в обществе в целом. Инкорпорация многих элементов артистической критики в новый дух капитализма лишила прежних

критиков оснований для недовольства и сделало их невосприимчивыми к легковесности достижений так называемого освободительного движения. Более того, в эпоху социализма, которая наступила во Франции после 1981 года, многие носители артистической критики были кооптированы во властную элиту.

Возобновлением своего роста в 1980-е капитализм был обязан во многом тому, что смог преодолеть ограничения, представленные во втором капиталистическом духе, и представить их старомодными. Изменения природы испытаний и молчание сбитых с толку критиков позволило капитализму вновь распространиться, освободившись от многих ограничений, с которыми он сталкивался прежде. Один из результатов этого процесса — капитализм снова начал извлекать выгоду из зазора между заработной платой и прибылью. Это привело к росту неравенства, прекаризации труда и обнищанию множества наемных рабочих.

Ухудшение условий, затронувшее большое число людей, оживило критику в 1990-х, о чем свидетельствует волна забастовок, прокатившаяся в конце 1995 года. Нынешнее возобновление наиболее заметно в социальной критике, тогда как артистическая критика хранит молчание или получает клишированную (а поэтому неэффективную) форму. Возобновление социальной критики ставит вопрос о том, каким образом новые испытания могут быть окультурены и закреплены в новых нормах, и одной из основных забот становится упорядочение [трудо-вой] гибкости. Вполне возможно, что общая цель большинства мер, которые сейчас реализуются во Франции, — это встраивание Проектно-ориентированного града в прочные по своей природе [социальные] инструменты. Одним из примеров является «договор об активности» (*contrat d'activité*), который, дополняя договор о найме, позволяет рабочим, кому фирма не хочет или не может предоставить работу, искать стажировку или рабочее место в некоммерческих организациях.

Конечно, речь идет об истории Франции, страны, где с 1981 года, практически без перерывов, у власти стояли социалисты, т.е. обществе, отдавшем власть тем, кто в 1968 году участвовал в уличных демонстрациях под лозунгами артистической критики. У Великобритании совершенно иная история, отмеченная тэтчеровской революцией. Как следствие, в каждой из этих двух стран господствуют различные организационные модели и разновидности духа капитализма: в большей степени ориентированные на рынок (в смысле, который в этот термин вкладывает наш анализ режимов оправдания) в Великобритании и более «сетевые» во Франции.

Заключение

В исследовательском проекте, посвященном «Новому духу капитализма», мы попытались проинтерпретировать перемены, которые начались сразу же после мая 1968 года (когда критика капитализма была

обычным делом), затем продолжились в 1980-х (когда организационные формы, лежащие в основе функционирования капитализма, претерпели глубокие изменения, тогда как критики хранили молчание) и во второй половине 1990-х привели в итоге к множеству попыток нащупать новые основания для критики. Понятие *духа капитализма* — ключевое в данном исследовании. Как мы уже отмечали, оно позволяет нам динамически сформулировать два других центральных понятия, на которые опирается наш анализ: *капитализма* и *критики*.

Однако целью такого исследования было не только дать правдоподобное и новаторское описание данного периода. Исходя из данного исторического примера, мы рассчитывали предложить более общую теоретическую рамку, тем самым обеспечив лучшее понимание того, как могут меняться идеологии, связанные с экономической деятельностью.

Вот основные характеристики модели изменений, которую мы попытались развить.

1. Она уделяет особое внимание действиям людей, которые сталкиваются с неопределенностью и противоречиями; она отказывается от объяснения изменений в действии безличных и неотвратимых сил.
2. Она сосредоточена на понятии испытания, с его двумя чередующимися режимами. Первый (способ категоризации) описывает общепризнанные, привычные и регулируемые испытания, в соответствии с которыми может вестись критика. Второй (способ смещения) связан с последовательностью отклонений от привычных испытаний, что может изменить способы отбора и стратегии получения прибыли; он не требует высоких рефлексии и уровня категоризации и дезориентирует критику.
3. Наконец, это не телеологическая модель. Она не имеет стрелы времени, упирающейся в мессианский предел, будь то Развитие или Прогресс, Революция или «конец истории». Работа критики бесконечна. Она должна постоянно возобновляться.

Наша концепция может быть подвергнута критике за то, что мы обращаемся к частному случаю (Франция последних 30 лет), чтобы проиллюстрировать глобальные изменения. Безусловно, мы не считаем, будто французский случай объединяет в себе все изменения, которые претерпел капитализм. Тем не менее неудовлетворенные приближенными моделями и зарисовками, которые обычно приводятся в дискуссиях о глобализации, в данной статье мы попытались представить модель изменения, опирающуюся на прагматический анализ, т.е. на модели, способные учитывать, сколь по-разному люди включаются в деятельность, их мотивации и смыслы, которые они вкладывают в свои поступки. Сегодня инициатива такого рода, которая могла бы учесть влияние национальных традиций и политических обстоятельств на эко-

номические практики (и на сопутствующие им формы идеологического выражения), в основном по причине недостатка во времени и ресурсах, остается практически неосуществимой на глобальном уровне, или даже в пределах Европы. Весьма вероятно, именно поэтому глобальные подходы отводят главную роль факторам (обычно технологическим, макроэкономическим или демографическим), которые воспринимаются, как если бы они представляли собой силы, недоступные человеческим условиям и деятельности наций, которые находятся в их власти, наподобие того, как люди находятся во власти бури. С точки зрения такого исторического неударвинизма мы так же подвержены «мутациям», как и [другие] виды, и от нас зависит, сможем ли мы приспособиться или погибнем. Все же человечество не только покоряется истории, оно ее творит. Мы захотели понять, как это происходит.

*Перевод с английского Натальи Савельевой и Олега Журавлева
под редакцией Александра Бикбова*

Литература

- Вебер М. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М., 2006 [Weber, M. *L'éthique protestante et l'esprit du capitalisme*. Paris : Plon, 1964, (première édition, 1920)].
- Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. М., 2004 (Galbraith, J. K. *Le nouvel état industriel. Essai sur le système économique américain*. 3ème édition. (première édition française : 1968 ; première édition américaine : 1967), traduit de l'américain «The new industrial state». Paris: Gallimard, 1968).
- Зомбарт В. *Буржуа*. М., 2009 [Sombart W. *Le bourgeois*. Paris: Payot, 1966 (traduction de S. Jankélévitch, première édition allemande, 1913; première édition française, 1928)]
- Файоль А. *Общее и промышленное управление*. М., 1923 (Fayol H. *Administration industrielle et générale*. Paris, Dunod, 1918).
- Boltanski L., Chiapello E. *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard, 1999.
- Boltanski L., Thévenot L. *De la justification*. Paris: Gallimard, 1991.
- Chiapello E. *Artistes versus managers*. Paris: A.M. Métailié, 1998.
- Grana C. *Bohemian versus Bourgeois*. French society and french man of letters in the nineteenth century. New York: Basic, 1964.